

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

**Читайте остросюжетные драмы
Аллы Холод в серии
«Психология преступления»:**

Рыцарь страха и упрека

Девочка из провинции

Человек без дождя

Персональный демон

Женщина перемен

АЛЛА
ХОЛОД

ЖЕНЩИНА
перемен

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х73

Оформление серии *С. Груздева*

Холод, Алла.
Х73 Женщина перемен : [роман] / Алла
Холод. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. —
(Психология преступления. Детективы Аллы
Холод).

ISBN 978-5-04-096427-7

Жизнь талантливой оперной певицы Любове По-
летаевой перевернулась в один миг, когда на нее на-
пали, ограбили и жестоко избили. Сорвалась поездка
на престижный международный конкурс, но это еще
не самое страшное — Люба потеряла голос! А вместе с
ним и смысл жизни. После нескольких лет в депрессии
по совету подруги Полины она записалась на курсы
психологической коррекции «Белая лилия». Занятия
велись очень жестко: гуру унижал, оскорблял и высме-
ивал учеников, но Люба почувствовала себя более спо-
койно. И тут погибла Полина. Стало известно о стран-
ных смертях еще нескольких клиентов «Белой лилии».
И Люба решила разобраться, что происходит на этих
курсах. Возможно, именно это поможет ей найти себя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Холод А., 2018
© Оформление.
ISBN 978-5-04-096427-7 ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Много лет мне снится один и тот же сон. Детали в нем могут меняться, но смысл всегда один и тот же. Как и ощущения, с которыми я просыпаюсь. Я стою за кулисами, оркестр играет последние такты перед моим выходом на сцену. Сердце бьется учащенно, щеки пылают. Ноздри щекочет густой запах пудры. Поддерживая одной рукой край длинного платья, я делаю шаг на сцену, яркий свет слепит мне глаза. Передо мной — зрительский зал, но я вижу лишь дирижера, мой взгляд сфокусирован на кончике дирижерской палочки. Наступает самое волшебное мгновение. Я вдыхаю полной грудью и... С этого места в моем сне бывает по-разному. Иногда мне снится, что я забываю слова. Выхожу на сцену и начинаю мычать под музыку. Бессмысленный набор звуков, нелепую, бессмысленную абракадабру. Дирижер смотрит на меня с ужасом, из суфлерской будки раздается неистовый шепот, но я не разбираю слов, которые мне подсказывают. Я несу околесицу до тех пор, пока в зале не начинают раздаваться явственные смешки, постепенно переходящие в гомерический хохот. От стыда, отчаяния и ужаса я просыпаюсь. Иногда обстоятельства моего позора бывают другими. Например, начинается второй акт «Севильского цирюльника». Я появляюсь из своей гримерной, полностью готовая к выходу на сцену. В накладных волосах у меня — настоящий

испанский гребень, в руках — маленький веер, расшитый черными и золотыми блестками. Я на подъеме, возбуждение достигает своего пика, я испытываю непередаваемое наслаждение от полного единения с музыкой и с образом, который мне предстоит воплотить. Делаю шаг на сцену, и весь остальной мир перестает существовать. В следующую секунду я замираю, видя округлившиеся глаза дирижера и слыша гул голосов, доносящихся из оркестровой ямы. Я не сразу понимаю, в чем дело, и лишь через несколько секунд осознаю, что на мне надета лишь верхняя часть сценического костюма: жесткий лиф с глубоким декольте и стоячим черным кружевным воротничком. Нижней части костюма на мне нет. Я опускаю глаза и вижу себя в тончайших и совершенно прозрачных кружевных трусиках и чулках на толстой кружевной резинке. От ужаса я замираю и мгновенно просыпаюсь.

В то утро мне снился сон из этой же серии. Я видела себя в костюме Снегурочки из моей любимой оперы Римского-Корсакова. Я шагнула на сцену и только там поняла, что идет вовсе не «Снегурочка», а «Евгений Онегин», драматический момент арии Ленского перед дуэлью. Я, заплетаясь ногами в полах платья, бегу прочь, так и не поняв, как меня утраздило вылезти на сцену в таком наряде и в чужой опере. И почему сегодня идет «Онегин»? Я ведь только что, сидя у себя в гримерной, слышала по внутреннему радио музыку Римского-Корсакова, а потом голос помрежа пригласил меня к выходу на сцену.

Бывало, что я выходила во сне на сцену и не узнавала музыку, а бывало, что мне снилось, будто я пою, но никто не слышит моего голоса. Я уже привыкла к таким снам, благо они прерываются на самом интересном месте, в самом начале моего позора. Я успеваю только осознать масштаб случившейся со мной катастрофы, но от того, чтобы погрузиться в свое

унижение с головой, испытать его в полной мере, меня спасает пробуждение.

Я покрутилась в постели, прислушиваясь к своим физическим ощущениям. Они были неприятными: горло иссохло от жажды, подташнивало. Полдесятого утра, Максима уже давно нет дома, это здорово, не нужно мучиться, дожидаясь, пока он уйдет и предоставит мне возможность улучшить свое самочувствие.

Я прошлепала босыми ногами к платяному шкафу, уверенно отодвинула в сторону вешалки с пиджаками и кардиганами и нашарила сумку, прислоненную к задней стенке. Открыла замок и достала две 250-граммовые бутылочки припрятанного с вечера итальянского брютa. Одну придется выпить теплой, ничего не поделаешь, другую я отнесу в морозилку, и к завтраку, пока я буду принимать душ, она успеет охладиться.

Я налила себе стакан просекко и медленно, со вкусом его выпила. Ну и что, что напиток теплый, зато газики немедленно прогнали жажду, а нежный вкус заставил меня испытать приятное ощущение. Хотя я знала, что это ненадолго.

Алкоголь мне давно уже не помогал. Вернее, на какое-то время расслаблял, делал голову пустой и отрешенной. Это ощущение пустоты поначалу показалось мне спасительным. Я словно поднималась с темного морского дна к солнцу, к свету. Но эти просветленные периоды со временем становились все короче. А действие моего лекарства стало все более привычным и предсказуемым. Целебные свойства алкоголя оказались ложными. Он перестал спасать меня, и на поверхность я уже не поднималась ни без бутылки, ни с нею вместе. Спиртное не стало лекарством, оно стало лишь проводником по нескончаемым, унылым коридорам моей депрессии. Бросить пить означало пойти по этим коридорам одной. В полном, крошечном,

беспросветном одиночестве. А так как другой компании у меня не намечалось, я продолжала держать алкоголь за верного спутника, единственного, кто никогда не откажется от меня и не потеряет ко мне интерес.

Бедный Максим, нелегко ему, наверное, терпеть все это. Хотя, как все алкоголики, вынужденные скрывать свой образ жизни, я стала чрезвычайно изобретательной и хитрой. Максим знает, что я употребляю спиртное, скрыть это от человека, с которым живешь бок о бок, совершенно невозможно. Если даже тебя не выдадут глаза или заплетающийся язык, то обязательно выдаст запах. Скрыть его я не пытаюсь и ко всяким глупостям вроде «антиполицаем» и мятной жевательной резинки не прибегаю. Так что Максим знает, что я пью. Но я молю бога, чтобы он не знал, сколько я пью! В холодильнике у меня всегда стоит бутылка текилы, я прикладываюсь к ней и предлагаю ему. Мы лижем соль, чинно выпиваем по небольшому стаканчику, закусываем лаймом. Никакого криминала! Я упорно продвигаю в жизни такую версию: небольшое количество алкоголя благотворно влияет на мою ущербную психику. А соматическому здоровью маленькие дозы помешать не могут. На самом деле я устраиваю эти показательные прикладывания к текиле лишь для того, чтобы оправдать наличие алкогольного запаха. Основные дозы я принимаю сама, мне для этого совершенно не нужна компания. И уж тем более компания Максима. На самом деле, пока он смотрит телевизор, читает или разговаривает по телефону, я могу накидаться так, что буду еле стоять на ногах. Тогда я, чтобы не выдать себя, делаю вид, что читала и заснула с книжкой. Накрываюсь пледом и засыпаю, свернувшись клубком на диване в гостиной. Как правило, он меня не будит. Выключает бра и уходит спать в одиночестве. Иногда я встречаю его недоуменный взгляд: только что жена была трезвая, и вдруг... Это бывает, когда я совершаю какую-нибудь

ошибку и выдаю себя своим поведением. Но я стараюсь следить за собой.

У меня множество тайников, в которых я держу алкоголь. Я покупаю в основном маленькие бутылочки. С ними удобно гулять, им нет замены в домашних условиях. Использованную тару я выбрасываю сразу же, как только Максим уходит из дома. В прошлом году я решила посетить клуб анонимных алкоголиков, и там одна средних лет девушка рассказала историю развала своей семьи. Действовала она практически так же, как и я: покупала маленькие бутылочки, выпивала при муже одну, а остальными в гордом одиночестве доводила себя до состояния полного остолбенения. Ее непьющий муж заподозрил неладное, потому что дамочка чуть не каждый вечер ни с того ни с сего принималась буянить и устраивать сцены. Короче говоря, ее супруг случайно нашел стограммовую бутылку коньяка в коробке для специй. Тут его, видимо, осенило, и он перевернул вверх дном сначала шкаф своей жены, затем все, что попало ему под руку: сумки, косметички, пакеты с бельем. Отовсюду ему в руки сыпались пустые бутылочки. Осознав масштаб бедствия, он поставил вопрос ребром: либо жена лечится, либо развод. Она стала посещать общество анонимов, но не похоже было, что ее намерения серьезны. Как-то раз мы с ней выпили вместе, сидя в скверике. Скучная, пустая особа. Она не понимала, зачем бросать пить, как и не понимала, зачем пьет. Я забросила общество довольно скоро. В глазах каждого из тех, кто посещал мою группу, я видела одно неугасимое желание — желание выпить. Они старались, ломали себя, пытались разобраться каждый в своей проблеме. Но все равно хотели выпить. И, глядя на них, я поняла, что этот путь — не мой. Мне и без них достаточно искушений.

Что нужно лично мне, я не знала. Вернее, то, что мне нужно, попросту неосуществимо. Я не могу по-

вернуть вспять свою жизнь. Не могу вернуться туда, где еще не было никакого алкоголя. Где была подающая большие надежды девочка Любочка. Или туда, где уже царствовала прима оперного театра Любовь Полетаева, яркое лирико-колоратурное сопрано, высокая статная красавица с длинной шеей и пышной гривой блестящих каштановых волос. Та, в которую влюблялись все мужчины, вращавшиеся вокруг ее оси. Умненькая, правильная девочка. Веселая и общительная женщина. Теперь уже трудно представить, что когда-то я была такой.

Мое будущее определилось в тот день, когда в нашем доме получил квартиру дирижер оперного театра. Папа мой был начальником среднего звена в строительно-монтажном управлении, так что жили мы в хорошем по тем временам доме, с отдельными комнатами и раздельным, пусть и совсем крохотным, санузелом. Мама была рядовым университетским преподавателем, преуспевающим на ниве частного репетиторства. О своей жизненной перспективе я не очень задумывалась, полагая, что учиться нужно хорошо по всем предметам, чтобы обеспечить себе более широкий выбор после школы. Петь я любила, как говорится, для себя. И пела все подряд: романсы, песни, все, что брало меня за душу. Роберт Николаевич Серебряков услышал меня, потому что не услышать звонкое сопрано из-за тонких панельных стен было трудно. Сначала подшучивал надо мной, потом стал приглядываться. А в один прекрасный день зашел к нам домой и прямо так, с порога, и заявил родителям:

— Мне нужна ваша дочь, я должен ее послушать, — и увлек в свою квартиру.

Его жена Татьяна Григорьевна уже сидела за фортепиано, они заставляли меня петь гаммы, какие-то нехитрые упражнения, потом Татьяна Григорьевна спросила, что я люблю петь, и мы с ней исполнили «Калитку».

— Вам, Любочка, надо серьезно заниматься, — подытожил наш музыкальный вечер Роберт, — у вас потрясающие данные. Если вы не станете певицей, вы совершите преступление против самой себя.

Его слова перевернули всю мою жизнь. Пение было моей мечтой, недостижимой и недоступной, никак не связанной с реальностью. Я даже не представляла себе, что обладаю голосом, который достоин того, чтобы звучать с профессиональной сцены. У меня началась другая жизнь. Робкие протесты родителей были подавлены мною решительно и бесповоротно, я стала заниматься день и ночь. Роберт Николаевич отвел меня к педагогу, который должен был подготовить меня к поступлению в музыкальное училище, и папа, поддавшись на уговоры дирижера и видя мое рвение, согласился оплачивать занятия. Я поступила легко и училась с огромным удовольствием, делая большие успехи. Ежегодно наше музыкальное училище давало в областной филармонии отчетный концерт. Это было главное событие года, к нему готовились более тщательно, чем к экзаменам. Участие в отчетном концерте являлось официальным признанием успеха. Оно возводило студента в ранг звезды, не говоря уж о том, что это был билет в вуз. Только лучшие студенты играли с областным симфоническим оркестром, в основном это были пианисты и скрипачи. Вокалистов на отчетный не допускали. Слишком сопливыми для этого были юные исполнители. Пианисты сначала проходят музыкальную школу, многие занимаются музыкой с 5—6 лет. К 18 годам некоторые созревают во вполне взрослых виртуозных музыкантов. Вокалисты в 18 только начинают учиться. На последнем курсе меня удостоили огромной чести — я прошла отборочный тур, и меня с арией Снегурочки поставили в программу отчетного концерта. Это был мой первый выход на сцену перед настоящей боль-

шой публикой. В тот день я испытала такой душевный подъем, такое гигантское счастье, ради повторения которого стоило жить. После окончания института искусств я пришла в нашу оперную труппу готовой звездой. Меня ждали, заманивали, опасаясь, что я могу попытаться счастья в каком-то более престижном театре. Но мыслей об этом у меня тогда не было. Я была так головокружительно влюблена!

Ничего необычного в нашей с Максимом истории не было: мы оказались в одной довольно пестрой компании на каком-то праздновании. Не помню, у кого и по какому поводу. Он пришел с товарищем, высоченным парнем, который во всем являл Максиму полную противоположность. Максим был немногословный, едва ли выше среднего роста, серьезный, с русыми волосами, тонкими губами и модными очочками на носу. Чем-то он напомнил мне молодого Джона Леннона. Его товарищ Семен имел рост баскетболиста, у него было приятное лицо с широкими черными бровями, сильно вьющиеся темные волосы. Он постоянно шутил, каламбурил и довольно откровенно заглядывал мне в глаза. Кроме того, пил одну за другой, что не мешало ему ловко танцевать твист, совсем как на старых записях безумных шестидесятников. Максим на его фоне казался занудой. Однако когда под конец вечера на балконе он читал мне Пастернака, я посмотрела на него как-то иначе. Его влажные карие глаза были очень серьезными, и каждое произнесенное слово казалось мне каким-то очень весомым и значительным. С тех пор мы с ним не расставались, прилепившись друг к другу намертво. Лучше Максима не было никого на свете. Он слушал, как я пою, любовался моим лицом, развлекал меня, дарил цветы и книги, он был в курсе всех моих дел, от его внимания не могло ускользнуть даже облачко перемены в моем настроении. Он был потря-

сающе эрудирован, и мне никогда не бывало с ним скучно. Очень скоро я вообще не понимала, как могла жить до него. Он стал для меня верным другом, интересным собеседником, нежным любовником, лучшей подружкой, плакатальной жилеткой, советчиком и психотерапевтом. А также внимательным и критичным слушателем и напарником по любому активному времяпровождению. Мы с Максимом стали неразлучны, и решение пожениться пришло само собой. Я знала, что нравлюсь Семену, и Максим был в курсе этого, но верный друг не пытался встать у нас на пути. Он разделял с нами наш досуг, а девушки рядом с ним менялись одна за другой, мы с Максимом даже не пытались к ним привыкнуть.

Максим только что окончил математический факультет и поначалу прозябал на маленьком окладе в закрытом научно-производственном объединении «Созвездие», работавшем на оборонку. Но работа по специальности не прельщала моего мужа, он говорил, что в наше время математик с хорошей головой должен уметь не считать, а просчитывать. И он искал, где мог бы продать подороже свои блестящие умственные способности. Пока он находился в метаниях и поисках, жили мы бедно, но очень весело. Зимой катались на лыжах, летом ездили с друзьями, в числе которых обязательно был и Сема с какой-нибудь очередной пассией, в Крым. Вечерами, если я была не занята в театре, играли в карты, смотрели фильмы, по выходным устраивали кулинарные вечеринки. Максим ходил в оперу, я вместе с ним на рок-концерты. И не было силы, которая могла бы разлучить нас хоть ненадолго. До определенного времени мы были абсолютно, безоблачно счастливы, но хроническое безденежье уже начало потихоньку отравлять нам жизнь. Мы не ссорились из-за денег, но у нас имелся общий повод для расстройств. И хотя мы утешали друг друга, надеясь на лучшее будущее, текущее настоящее,

в котором нам приходилось во многом себе отказывать, стало тесным, как сносившийся школьный пиджак. Мы оба, такие талантливые, умные, яркие, топтались на месте, ничем не улучшая свою жизнь в ее потребительском аспекте. И постепенно нас обоих стали угнетать обои, отклеивающиеся то тут, то там, наша старомодная мебель, мои дешевые тряпки, убогая шуба из мутона, машина Максима, по которой давно скучал пункт утилизации. Некоторые наши знакомые уже не по разу съездили в Египет и стали осваивать знаменитые европейские города и курорты, а мы каждый август по-прежнему катили в Крым, отмечая, что компания для этих поездок у нас сужается с каждым годом. И сами каникулы становились все более и более унылыми. Сема, служивший в милиции, переживал те же самые трудности, что и мы. Он по-прежнему заглядывал мне в глаза и украдкой, когда Максим не видел, подолгу пялился на меня, рассматривая так, будто видел впервые. Интересно, почему я тогда выбрала не его, а Максима? Как бы сложилась моя жизнь, если бы я сделала другой выбор? Как бы там ни было, а мне страстно хотелось увидеть мир, я грезила о Милане, о посещении «Ла Скала» и ужасно страдала от того, что нам не по карману даже самое малобюджетное путешествие в Италию. Максим, который не мог обеспечить мне этого, страдал едва ли не еще сильнее. Сема относился к материальным проблемам с присущими ему юмором и легкостью, считая, что это явление временное и у нас все еще впереди.

В конце 2008 года произошли два события, благодаря которым наша жизнь могла измениться в лучшую сторону. Мой умный и терпеливый муж наконец нашел интересную перспективную работу в какой-то частной кредитной организации. Он обрисовал ее лишь в общих чертах, и мне представилось нечто вроде очередной финансовой пирамиды. Я, естест-

венно, испугалась, но Максим меня успокоил, убедив, что пирамиды ушли в прошлое, а кредитование вечно, меняться будет лишь упаковка пакета этих услуг. Я не стала ни спорить, ни пытаться вникнуть, и не только потому, что совсем ничего не понимаю в финансах. В моей жизни тоже наметился сдвиг. Супруга нашего нового губернатора оказалась активной покровительницей муз, и в нашем театре появился новый художественный руководитель. Дирижер столичного уровня и столичной же прописки. Его так и хотелось назвать маэстро: он был высок, статен, носил эспаньолку, изысканные шелковые шарфики под пиджаки, которым не было цены. Он был хорош гордой красотой немолодого испанского гранда. Столь холеного и породистого, что обращаться к нему по имени-отчеству казалось кощунственным. Так и хотелось сказать ему «синьор». Между тем звали его — Эдуард Альбертович Воцак. В городе он находился не постоянно, бывал наездами, решал важные вопросы и снова исчезал где-то в своем звездном пространстве. Однажды он вызвал меня в свой кабинет.

— На ваш счет, Любовь Николаевна, у меня есть особое мнение, — начал худрук, называвший всех солистов по имени-отчеству, — присаживайтесь.

Он отодвинул от стола стул и жестом пригласил меня занять его. От волнения я чуть не плюхнулась мимо, вызвав у гранда едва заметную улыбку.

— Вы обладаете прекрасными данными, Любовь Николаевна, — начал он, заняв место напротив меня, — у вас прекрасный голос, и вы вполне зрелая певица. Кроме того, у вас есть достоинство, делающее вас весьма конкурентоспособной. Я имею в виду вашу внешность. И молодость. Скажу вам искренне: вы поразили меня своей красотой. Такое сочетание бесценно для оперной дивы. Вы понимаете, что я имею в виду? Оперная сцена не переполнена красавицами. Ваше имя вполне достойно показаться на афи-